

СЕРГЕЙ БАЕВ

Девяносто три

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Сергей Баев

Девяносто три.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557855

ISBN 9785448563614

Аннотация

Остроумные, живые, увлекательные и связанные единой нитью повествования рассказы Сергея Баева биографичны и достоверны. Автор ведёт благодарных читателей через свою жизнь – от детства к зрелости, от наивности – к мудрости. На этом пути случалось всякое: опасности и удачи, мистические предсказания, грозные перспективы и добрые знамения. Пройдя по этому пути вместе, мы лучше понимаем не только то, как и чем мы живём, но и зачем мы живём...

Содержание

Пролог	5
Рассказ первый. Бумажная бомба	10
Рассказ второй. Мира Кузминична	17
Рассказ третий. Пуля-дура	22
Рассказ четвёртый. «Леви Страус» в огне не горит	27
Рассказ пятый. Хипарь в тёмных очках, на каблуках и с битловской шевелюрой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Девяносто три Сборник рассказов

Сергей Баев

© Сергей Баев, 2017

ISBN 978-5-4485-6361-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Воскресенье, 19-е мая 1965-го года.

Мне восемь лет.

Сегодня у нас настоящий праздник, мы с мамой едем на базар!

Несмотря на то, что мы жили в городе, точнее, на его окраине, тем не менее, любая поездка в центр всегда называлась: «Мы едем в город».

До сих пор не знаю, почему все так говорили?

Наверное, потому что до центра Томска, точнее до площади им. Ленина, добираться на автобусе – больше часа.

А может быть, от того, что строящиеся на окраине «Черёмушки», считались далёкой деревней по отношению к центру.

...Поскольку утро выдалось довольно прохладным, мама надела на нас с братом вельветовые курточки, пошитые ею самой.

...Каких-либо развлечений, аттракционов, парков на нашем Жилмассиве (как-то сразу микрорайон Черёмушки все стали называть просто Жилмассивом) ещё не открыли: несколько пятиэтажных домов, – одиноких коробок в чистом поле, трёхэтажная школа номер 53, гастронорм «Ласточка» и детский сад, – вот и весь посёлок. Поэтому каждая поездка «в город» на базар считалась праздником, в некотором роде

развлечением.

...Базар в Томске, как и во всех старинных городах, располагался в центре, являясь его сердцем, где местные жители не только покупали необходимое по дешёвке, но и общались, развлекались (на базаре работал летний цирк), узнавали последние новости.

Территория базара довольно обширна; здесь, кроме торговых рядов, располагался цирк, постоялый двор, примерно такой же, как Пассаж в Питере, и множество торговых лавок, магазинчиков и мастерских.

Здесь можно гулять целый день, с наслаждением поедая горячие пирожки за пять копеек, облизывая сладкие разноцветные леденцы – петушки и зайчики, запивая всё это холодной газировкой. Одним словом, – приятный вкусный праздник для глаз и желудка, особенно для ребятни!

В настоящее время на этом месте находится «Губернаторский квартал»: Дума, администрация Томской области, областной театр драмы, какой-то старый дом, где открыт очередной коммерческий, никому не нужный банк.

От старого уютного городского рынка осталось только одно строение, бывший постоялый двор. Теперь в этом здании факультет Университета. Не пойму, кому мешал базар?

...Я уже оделся и стоял готовый к выходу, а брат Саня застрял с завязыванием непослушных шнурков.

– Саша, чего ты возишься? Давай быстрее, а то, пока до-

берёмся, там уже народу наберётся тьма, – прикрикнула мама на брата.

– Мам, да у меня шнурок какой-то непослушный.

– Вот скажи мне, ну почему у Серёжи всегда всё завязывается, а у тебя нет? Почему он всегда первый готов, а ты вечно копаешься?

Я стоял довольный, ведь меня в очередной раз поставили в пример.

– Саня, вечно ты, как девчонка, копуша, – поддел я брата.

Он обиделся, надул губы, покосился снизу вверх: «У тебя, Серый, шнурки другие, послушные».

Наконец мы собрались и вышли из дома.

Прямо у подъезда находился деревянный стол с лавками, где мужики по выходным с утра пораньше забивали козла, а их жёны пристраивались рядом, грызли семечки, переминая косточки ненавистным соседям.

– Куда это ты, Маша, с пацанами собралась?, – спросила одна из них.

– В город надо, на рынок. Вон ботинки у мальчишек совсем сносились, может куплю им какие-нибудь не дорогие, – быстро ответила мама.

– Привет, братовья! – весело поздоровалась с нами соседка с первого этажа.

Сашка скорчил недовольную мину и отвернулся, а я вежливо ответил:

– Здравствуйте, тётя Зоя.

Мама глянула на дорогу и, заметив приближающийся автобус номер 9, схватила нас за руки и поспешила к остановке. Мы кое-как втиснулись в переполненный автобус.

Маму со всех сторон зажали пассажиры, а нас с братом взяли на колени сердобольные бабульки. Ехать в автобусе хоть и тесно, но весело.

Люди общались между собой, радовались выходному дню и тёплой весне.

Бабуля, взявшая меня на колени, вкрадчиво заглянула в глаза и нежно спросила:

– Мальчик, как тебя зовут?

– Меня зовут Серёжа, – ответил я.

– А брата твоего, как зовут? – не унималась она. – Вы ведь близняшки?

– Мы не близняшки, а братья! А зовут моего брата, Саша, – снова вежливо ответил я.

– А куда вы едете?», – бабушке явно хотелось хоть с кем-то поговорить.

– А вам зачем знать, куда мы едем? – ответил я вопросом на вопрос.

...Так мы ехали, а народу в автобусе не убавлялось. Наверное, все в это утро стремились на базар, истосковавшись по развлечениям, по общению.

Кроме нас с братом, в автобусе были ещё и другие дети: на базар, как на праздник, всегда ездили семьями.

...Через час заснувшая было кондукторша гнусавым го-

лосом объявила: «Конечная! Базар! Граждане, выходим!»

...Девять часов утра, а народу уже столько, что яблоку негде упасть.

Горожане входят и выходят через центральные ворота: заходят «пустые», а выходят с полными авоськами. Заходят – задумчивые и грустные, а выходят – весёлые и довольные! Вот так базар чудесным образом преображал людей.

...Мы с ходу ринулись в это бурлящее, кричащее людское море, вращая головой направо и налево.

Около центральных ворот маму остановила пожилая цыганка: «Дай девушка ручку, погадаю!»

Пока мама в растерянности пыталась обойти возникшую преграду, я протянул цыганке свободную руку. Она взяла детскую ручонку, мельком взглянула на ладонь и тихо сказала: «Жить будешь девяносто три года».

...Эта магическая цифра, так резко врезалась в мою детскую память, что я до сих пор, а мне уже 57, верю в то, что именно столько и проживу, несмотря ни на что!

Рассказ первый. Бумажная бомба

...После школы, сделав уроки, мы, как обычно, были предоставлены сами себе и улице. Улица воспитывала не хуже папы с мамой.

Как угорелые носились по двору, играли в футбол или в «секу», иногда дрались, – конечно, за справедливость, как мы её понимали, иногда, как Карлсон и Малыш, лазали по чердакам, время от времени хулиганили – по мелочи.

В общем, всё, как у всех пацанов в детстве.

Однако существовала грань, за которую я не мог переступить: никогда не убивал голубей из рогатки, чтобы потом поджарить их на костре, никогда не издевался над кошками, никогда не взламывал двери подвальных сараев, пытаюсь что-нибудь своровать...

...Дети – народ жестокий, это правда. Но если один пацан издевается над котом, а другой за этим наблюдает, то обязательно найдётся третий, который просто уйдёт.

Так вот, я тот – третий.

Уверен, что любовь и уважение к животным воспитываются в семье. Это на самом деле – банальная мысль, но у нас в доме кто-то из живности постоянно обитал: то ёж, то сова, то кролик, ну, а собака и кот – жили всегда!

...Через дорогу шумел лес; мы много времени проводили там: играли в индейцев, рыли землянки, собирали грибы

и ягоды, бегали купаться на лесное озеро.

Зимой катались с гор на лыжах, рыли ходы в снежных су-
гробах, представляя себе, что это подземелье какого-нибудь
старинного замка, играли в снежки, и много чего ещё делали.

Конечно, зимой игр гораздо меньше, чем летом или осе-
нью.

...Короче говоря, моя детская жизнь текла, как бы
по двум параллельным руслам: по официальному – школа
и всё, что с ней связано, и по спонтанному – улица, друзья
во дворе, с развлечениями по мере фантазии.

Эти два русла никогда в течении школьных лет не пересе-
кались, а иногда текли даже в противоположных направле-
ниях...

Забегая немного вперёд, скажу, что в школе я притворял-
ся пионерским и комсомольским активистом, а на улице, –
если честно, – числился просто мелкой шпаной.

Мне кажется, что такие двуличные школьники в Совет-
ском Союзе составляли большинство.

Однако эти внутренние конфликты, как их называют пси-
хологи, и противоречия в поведении жить не мешали, а толь-
ко дополняли друг друга, делая мою детскую жизнь более
разнообразной, эмоциональной и яркой.

...Весна 1966-го года. Мне уже 9 лет, а мозгов, несмотря
на школьные отметки, как у трёхлетнего.

Наша дворовая шпана решила сделать бомбу, а потом взо-

рвать её в лесу.

У кого-то из пацанов отец увлекался охотой, поэтому хранил дома патроны, пыжи, гильзы, дробь, порох. Вот эту-то пачку пороха и умыкнул наш товарищ у своего не очень бдительного папаши. Помню, что пачка имела коричнево-серый оттенок, походила на упаковку дешёвой махорки.

Украденный порох мы обернули старыми газетами, так что получился большой бумажный ком.

...«Ну вот, бомба готова», – решили мы и выдвинулись в лес, проводить испытание.

Собралось нас человек семь или восемь, и не только пацанов, участвовали и девчонки, – с мальчишеским характером. Двое особо трусливых остались во дворе.

Мы сто раз до этого бросали в костёр шифер, взрывавшийся при нагревании, как граната, много раз кидали в огонь охотничьи патроны, но никто не пострадал, а присутствовало лишь веселье и детская радость. Так ожидалось и в этот раз.

...Бомбу установили в центре поляны, подожгли и разбежались в разные стороны, спрятавшись на всякий случай за кочками.

...Бумага сначала ярко вспыхнула, загорелась, а потом, истлела и потухла. Только струйка дыма поднималась над куцей пепла.

«Наверное, порох сырой?», – подумал я и, как главарь нашей дворовой шайки, вместе с одним смелым пацаном ре-

шил осуществить вторую попытку.

Лёха, так звали того пацана, наклонился над горкой пепла и чиркнул спичкой. Я стоял в полуметре от этой дымящейся кучки.

...В этот момент раздался оглушительный взрыв, яркая вспышка и, огромный столб дыма поднялся над поляной.

(«...А город подумал, ученья идут...»)

Лёха, с обгоревшим лицом и руками, отлетел метра на три, а я успел закрыться левой рукой (забыл сказать, что я левша), и взрывной волной меня отбросило в другую сторону.

...Мог ли я тогда погибнуть? Да, запросто!

Оглушённый на несколько минут, с обожжённой рукой, я валялся на траве, корчась от боли. Мой друг лежал в стороне с лохмотьями обгоревшей кожи на лице.

Но глаза он рефлекторно успел закрыть, поэтому остался зрячим...

В первый момент, ребячья толпа онемела от ужаса, но потом бросилась на Жилмассив за помощью.

...Первый раз в своей сознательной жизни я прошёл по краю пропасти, оставшись в живых...

А как могло быть иначе, если цыганка мне нагадала: «Жить будешь 93 года»?

...«Скорая» примчалась быстро, и нас увезли в детскую больницу на Московском тракте.

Больше всего я боялся встречи с родителями.

...Руку обработали, обильно намазали мазью Вишневского и уложили в койку.

От усталости и страха я забылся сном, но через час меня разбудила медсестра Зина (до сих пор помню запах той мази и короткую юбку Зины, её красивые длинные ноги, как бутылочки). Медсестра на меня ласково взглянула и с улыбкой произнесла: «Вставай, Серёжа, родители приехали».

При виде забинтованной руки мама тихонько заплакала, а отец зло зыркнул и сквозь зубы промолвил: «Когда тебя выпишут, мы ещё поговорим».

...Выписали меня через четыре дня. За это время отцовская злость сошла на нет, и ожидавшегося разговора не состоялось. Наш безрассудный поступок списали на детскую шалость, а неотвратимое наказание спустили на тормозах, чему я несказанно обрадовался.

...Наверное, в детстве я считал себя трусом, поэтому, в отличие от брата, всегда лез в самое «пекло», доказывая пацанам и себе, что смелый.

***

...Уже два года меня садистскими методами переделыва-

ли на правшу: учили держать ручку в правой руке. Поэтому после больницы правописание не пострадало, несмотря на забинтованную левую руку.

Единственное, что действительно раздражало, – это дома держать ложку в правой руке. Настоящий левша никогда не станет есть правой!

Вот и сейчас, когда пишу эти строки, держу ручку в левой руке, поскольку правой почти разучился писать, но об этом позже.

Ещё одним негативным моментом переучивания меня на правшу явилось то, что я с первого класса начал заикаться; так продолжалось до третьего курса Университета, пока я снова не стал писать левой рукой, случайно поранив правую.

Спасибо моей первой учительнице, не хочу даже вспоминать её имя, ведь она искренне считала, что в Советском Союзе все должны быть одинаковыми, а именно – правшами, да и политика партии была такая, а вред, нанесённый детской психике, с негативными последствиями, – кого это волновало в семидесятые годы прошлого века?

***

Два раза в неделю мы с мамой мотались на другой конец города в детскую поликлинику на перевязку, поскольку в то время на Жилмассиве поликлинику ещё не открыли.

Снимая бинты, врач заставлял меня сжимать и разжимать

руку, чтобы новая молодая кожа привыкла к сгибанию пальцев.

Не помню, по какой причине, но две недели мы на перевязку не ездили. За это время пальцы перестали сгибаться, даже при сильном желании.

– Ну, что же? Будем резать кожу на всех пальцах, иначе, ваш сын не сможет управлять рукой, – заявил врач.

От слова «резать» меня пробил озноб. Со страхом взглянув на маму, я тихо произнёс: «Я боюсь».

– Доктор, а можно не резать? Есть способ как-то по другому разработать руку? Понимаете, он левша, это у него основная рука, а вдруг после операции что-нибудь окажется не так, – обратилась она к врачу.

– Гм... Ну, тогда усиленные нагрузки при помощи резинового кольца, – ответил он. – И через неделю непременно покажитесь мне, не позже.

Мы отправились домой, по пути заглянули в аптеку, купили резиновое кольцо, и я каждый день по несколько часов тренировал кисть.

Двигательная функция восстановилась!

Рассказ второй. Мира Кузминична

...Жилмассив быстро строился. Крупнопанельные дома вырастали, как грибы после дождя. Стрелы башенных крапов торчали повсюду, особенно в той части Жилмассива, которая находилась ближе к городу и должна со временем соединиться с ним.

Наш 148-й дом располагался на окраине, а дальше, – огромное ровное поле, на котором когда-то был учебный аэродром, потом – военное стрельбище, а сейчас -конопляное поле, где мы, пацаны со всей округи, собирали пули разных калибров, копаясь в пыли.

Потом эти свинцовые кусочки расплавляли на костре и выливали отличные «биты» для игры в «чику», – была раньше такая игра на деньги. В то время во всех играх присутствовал интерес.

...Стройки теснили бывшее стрельбище в сторону города, уменьшая с каждым месяцем его размеры. Поле яростно сопротивлялось месивом грязи после дождя, конопляными кустами двухметрового роста и пронизывающими ветрами, но силы явно оказались неравные и стройка – побеждала.

...Третий класс. Мне десять лет.

Какие развлечения у жилмассивской ребятни?

Развлечений, на самом деле, не так уж и много: либо но-

ситься по лесу, либо играть в футбол, либо лазать по стройкам.

Весной, когда в лесу ещё сыро, полигоном для наших развлечений становились строительные площадки: там мы часто играли в войну, иногда в прятки, или просто сидели на крышах недостроенных домов и мечтали...

...Есть такая болезнь, называется «остеомиелит», если не ошибаюсь, или проще говоря, – туберкулёз костей.

Зачем я об этом пишу? Всё довольно просто, этот самый остеомиелит начался у меня из-за того, что я в детстве лазил по стройкам и сидел на холодных бетонных плитах.

«Да кому это интересно?» – скажет придирчивый читатель.

Спорить не стану, но давайте читать до конца.

Остеомиелит – это, когда начинает болеть и гнить простуженная кость. В этом случае, необходима хирургическая операция по выскабливанию кости, примерно как аборт. Операция эта сложная, в результате которой, в лучшем случае, если можно так выразиться, – ребёнок становится инвалидом. Ведь больная нога затормаживается в развитии и остаётся такой, как была в момент операции, а в худшем случае – ногу ампутируют.

Так вот, в третьем классе у меня обнаружили остеомиелит в последней, запущенной стадии. Сначала нога просто глухо

ныла, потом болела, и наконец невозможно стало ходить.

Родители наивно полагали, – это просто ушиб, что само пройдет, и поэтому не вели меня к врачу. Само не прошло и не рассосалось; меня увезли на «скорой» опять в детскую больницу на Московском тракте.

За два года, что я тут не появлялся ничего не изменилось, только стены в приёмном отделении покрасили в другой цвет.

В тот день принимала новых пациентов Мира Кузминична, фамилию которой, к сожалению, не помню. Невысокого роста брюнетка с красивыми большими глазами стала моим лечащим врачом.

Я тогда не знал, как мне повезло и, причём, крупно.

Для защиты докторской диссертации, как после выяснилось, ей не хватало практического материала, и мой случай оказался как раз кстати.

В общем, она сделала операцию, которая прошла успешно. На свой страх и риск Мира Кузминична использовала новые технологии.

Очнувшись после наркоза, я обнаружил себя в гипсе от подбородка до кончиков пальцев правой ноги.

Ощущение непередаваемое и довольно тягостное: лежишь, как гусеница в коконе, шевелить можно только руками и головой.

В этом состоянии я находился почти три месяца, не ходил в школу, но уроки исправно делал. Брат Саня относил

в школу мои тетрадки и приносил новые задания.

...Остаётся только гадать, как сложилась бы моя жизнь, если бы мне в 10 лет ампутировали ногу, или если бы стал инвалидом?

Мира Кузминична сделала свою работу хорошо, и я остался обычным пацаном, с обеими нормальными ногами. Правда, раз в год я должен был проходить медицинское обследование.

Доктор предупреждала меня беречь ногу, не подвергать её нагрузкам, не застуживать, не заниматься спортом и вообще не делать резких движений. Но попробуйте удержать мальчишку от игр, от футбола, от беготни.

Короче говоря, наставления лечащего врача я не выполнял: играл в футбольной команде на первенство города в турнире «Кожаный мяч», немного занимался баскетболом, в восьмом классе посещал секцию бокса.

После тренировок нога, конечно, ныла, но я терпел. За ночь молодой организм восстанавливался, и я, забыв о щадящем послеоперационном режиме, опять окунался в будничную жизнь: школа, тренировки, соревнования, улица.

В девятом классе стал чемпионом Томской области по боксу среди новичков.

Перед республиканскими соревнованиями необходима обязательная врачебная комиссия.

Когда доктора увидели на правом бедре огромный шрам, то потребовали справку из детской больницы о том, можно ли после такой операции участвовать в первенстве России и вообще заниматься спортом?

Ответ на этот вопрос дала Мира Кузминична: «Категорически нет!» Ещё она добавила, что мне на пятый этаж по ступенькам лишний раз подниматься нельзя, а о боксе не может быть и речи.

«Если не хочешь остаться без ноги, то с сегодняшнего дня – никакого спорта», – так она сказала.

...Таким образом, о спорте пришлось забыть навсегда. Я также получил так называемый «белый» билет, освобождающий от службы в армии.

Единственное, что выпросил у доктора, – не освобождать меня от физкультуры, ведь очень не хотелось выглядеть убогим в глазах одноклассников. Да меня бы на смех подняли, это в лучшем случае, а в худшем, – записали в девчонки, издевались, считая хуже «ботаника». Думаю, что в тот момент я опять прошёл по самому краю и, остался обычным и живым!

...Предсказание цыганки снова сработало!

...Жизнь продолжалась, как и продолжались мои опыты хождения по краю пропасти.

Рассказ третий. Пуля-дура

...Река Каменка, что недалеко от Томска в районе деревни Заварзино, летом представляла собой большой ручей, который можно перейти вброд.

Весной речка наполнялась талой водой и превращалась в бурный, мутный и опасный поток глубиной до двух метров, а может быть, и больше.

На берегу этой коварной, весенней, быстрой реки весной 1-го мая 1973-го года мы разбили свой лагерь.

В девятом-десятом классах мы часто и с огромным удовольствием ходили в походы на природу. Добравшись до окраины Томска на автобусе, потом, несколько километров топали пешком, тащили тяжёлые рюкзаки, чтобы несколько дней побыть вдали от городского шума, посидеть у костра под гитару и дешёвый портвейн, поглазеть на звёзды, в общем, отдохнуть.

...Как всегда, собралось нас не больше десяти человек, — романтиков, которые «в городах не блещут манерами аристократов», которым не сидится дома, и которых родители не боялись отпускать одних, доверяя нам, надеясь на наше благоразумие, самостоятельность и навыки, необходимые в лесу.

...Погода великолепная; нас провожало тёплое, весеннее

солнце, прямо на глазах слизывающее последние островки серого снега, прятавшегося в низинах.

Речка встретила нас бурлящим потоком. На берегу этой мутной реки мы разбили свой лагерь: три старые, выгоревшие на солнце палатки и костёр посередине, – классика жанра.

Всю ночь орали песни, хохотали, как ненормальные, пили вино, ели картошку с тушёнкой, короче, расслаблялись, как умели. Часа в два разбрелись по палаткам и отрубались, намаявшись за день.

...Забрезжил оранжево-жёлтый рассвет, прижимая белый туман к земле.

От ночного пионерского костра остались две головешки, большая куча золы и струйка одинокого грустного дыма. Ожидалось прекрасное утро, незатейливый походный завтрак, безделье и ещё один день на природе!

...Высунув голову из палатки, я зевнул и разлепил заспанные глаза... Тишина. И только шум воды да пение утренних птишек нарушали эту картину маслом.

Вылезая наружу, я запнулся о чью-то забытую алюминиевую кружку и направился к потухающему костру, чтобы подбросить дровишек и не дать ему окончательно умереть.

...В этот момент с другого берега, заросшего густыми деревьями, прозвучал выстрел. В утренней пронзительной тишине этот залп, отозвался громким эхом на всю округу.

Очевидно, стреляли дробью или картечью, так как алюминиевая кружка отлетела в сторону, раненая в нескольких местах.

Ещё выстрел, костёр возмутился от такого нахальства и встрепенулся салютом красных искр.

Наш мирный, никого не трогающий, спокойно спящий лагерь, вдруг оказался под обстрелом неизвестного противника. Кто бы это мог быть? Кому с утра пораньше захотелось похулиганить?

Скорее всего, наш лагерь атаковали с другого крутого берега деревенские пацаны, устроив себе утреннее развлечение. Наверное, эта тупая и безмозглая шпана испытывала эротический кайф, стреляя по безоружным и, к тому же, защищённая непроходимой рекой.

Что поделать, вражда между городом и деревней никуда не исчезла. И если сельская, вонючая, пьяная шпана могла хоть как-то нагадить городским, то она с огромным наслаждением всегда это делала: в клубе на танцах, во время уборки городскими колхозного урожая, на мичуринских участках, близко расположенных к деревне...

В то время, как горожанам было глубоко наплевать на деревню, сельчане ежесекундно чувствовали себя – униженными и оскорблёнными. Не все, но думаю, что подавляющее большинство – точно, особенно после стакана самогонки.

Может быть, такие мысли появлялись в головах деревенских от того, что им с раннего детства приходилось топтать

навоз, в четыре утра доить скотину, и при этом всю жизнь ходить в телогрейках и ботах.

Короче, не знаю, как сейчас, а при советской власти существовала бездонная пропасть между сельским менталитетом и городским, между жизнью в деревне и жизнью в городе, между деревенской культурой и городской. Именно поэтому, деревенская шпана прискакала на конях и открыла стрельбу по палаточному лагерю городских. Я в этом несколько не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас; а почему на конях, чтобы наверное не догнали.

...В нашем лагере началась настоящая паника. Мои одноклассники с криками выскакивали из палаток и в ужасе разбегались, прячась в кустах.

А с другого берега слышалось ржание лошадей и истерический смех обезбашенных и озлобленных деревенских ублюдков.

...Что мы могли сделать?

Ничего! Мы осыпали стрелков последними матерными словами, чем ещё больше раздражали и злили их.

...Дробь прошивала палатки и рюкзаки. Одиночные выстрелы превратились в бесконечную канонаду!

...Находясь под непрерывным обстрелом, мы в спешке снимали лагерь, собирали разбросанные вещи и уносили их в безопасное место.

К счастью, они стреляли плохо, как в общем, все сельские являлись никудышными во всём, поэтому никто из наших серьёзно не пострадал.

На память от той встречи с гостеприимными и хлебосольными деревенскими ребятами у меня остался небольшой шрам на левой руке.

...А если бы стрелки проснулись не с похмелья и кто-нибудь из них попал бы мне не в руку, а в висок или в глаз?..

Мог ли я погибнуть в то прекрасное весеннее утро? Конечно мог!

...Но из далёкого прошлого доносился голос цыганки: «Ты будешь жить 93 года!»

Наверное, инстинкт самосохранения или страх прижимал меня к земле, когда я ползал вокруг костра, собирая вчерашние грязные кружки и тарелки; а может быть, непоколебимая вера в слова цыганки заставляла дробь пролетать мимо, а меня – двигаться по какой-то мистической траектории, по безопасному коридору.

...Я, к сожалению, этого не знаю...

Мы в считанные секунды свернули лагерь, молча отдышались и в полной прострации двинулись в сторону города.

...Больше на том месте я не был никогда.

Говорят, что сейчас там элитный посёлок, а деревня, из которой примчались пьяные пацаны, – уже давно сдохла!

Рассказ четвёртый. «Леви Страус» в огне не горит

...1975-й год, июнь, холодное лето, два часа ночи.

...Конец первого курса Университета; сессия в полном разгаре.

Несмотря на плотный график зачётов и экзаменов, я умудрялся чуть ли не каждый день встречаться со своей девушкой, ставшей впоследствии моей женой. Она училась в Томском Политехе и обитала в общежитии, в центре города, а я – в Универе, и жил дома, на окраине города.

В тот день мы взяли билеты на последний сеанс: жевали в тёмном зале мои любимые конфеты «Ромашка», пожимали друг другу руки, несколько раз поцеловались, благо ряд был последний. В общем, всё как всегда...

Потом побродили по вечернему городу, посидели на тёмной лавочке в парке, опять целовались, а ближе к полуночи я проводил её до общежития.

Естественно, автобусы и троллейбусы уже не ходили, а денег у бедного студента на такси не было, и я, как всегда, отправился домой пешком через весь город, предполагая часа через три-четыре добраться до Жилмассива.

Время в пути, километры, ночной город меня совершенно

не пугали, ведь я был по уши влюблён, а это состояние души придавало сил, уверенности в себе, храбрости, и меня несло, как на крыльях.

В сладостных грёзах и размышлениях я прошагал уже большую часть пути. Свернув с Проспекта Ленина и поднимаясь по Кузнечному взвозу, увидел на горе пылающий деревянный дом, толпу суесящихся людей и огромный чёрный клуб дыма, поднимающийся в небо.

Пожарных, как всегда, ещё не было, а пламя уже развернулось в полной своей красе, вовлекая в своё шоу всё новых и новых зрителей.

Я никогда не считал себя зевакой, любующимся на чужое горе, никогда не являлся героем, спешившим на помощь людям, но в данной ситуации пройти мимо не мог и поспешил к горевшему дому, совершенно не осознавая в тот момент, зачем мне это надо и чем могу помочь.

Этот пожар, выглядел как-то неестественно, если можно так выразиться, но я не понимал, почему именно. Наконец до меня дошло: толстый мужик в голубой застиранной майке поливал из шланга не объятый пламенем дом, а стоящий рядом, очевидно, свой.

Из дома, стоящего рядом с горящим, люди в спешке выносили свой скарб, очевидно у них не нашлось шланга, как у толстого.

Никто не тушил реальный пожар, все спасали своё барахло. Короче, каждый сам за себя, каждый сам по себе, каждый

сам только для себя и баста. Кстати, это чисто по-русски...

Около горящего дома, вместо того, чтобы спать, если это их не касается, уже собралась приличная толпа зевак, с восхищением наблюдающая чужое горе. Разговоры этих сердобольных людей крутились вокруг вопросов: «Через сколько минут рухнет крыша? Смогут ли соседи спасти своё барахло? Когда приедут огнеборцы? Кто виноват в пожаре? Что с этим делать?»

Подойдя к толпе, я спросил: «Есть ли кто в горящем доме?» Одна женщина довольно спокойно и буднично ответила: «Там только старая бабка живёт.»

...В этот момент в моей в голове что-то перемкнуло; забыв об опасности, я кинулся к двери полыхающего дома. Никто даже не попытался меня остановить. Для зевак, наоборот, шоу разворачивалось в интересную, захватывающую сторону, с элементами героизма.

Хорошо, что дом – небольшой: сени, кухня и одна комната. Открытого пламени в нём ещё не было, зато чёрный едкий дым поднимался к потолку. Очевидно, пожар начался на крыше от раскалённой трубы. Печка, набитая дровами, сердито гудела и разбрасывала искры в разные стороны.

Закрыв рот какой-то тряпкой, я прошмыгнул в комнату.

На кровати сидела перепуганная старушка, лет девяноста трёх и что-то бормотала себе под нос. Заметив бабулю, я схватил её под руки и потащил на кухню, но кухня уже заполнилась дымом. Тогда, выбив окно ногой, я попытался си-

лой пропихнуть туда бабушку.

Около окна стоял большой кованный сундук. Бабуля одной рукой вцепилась в него и истошно заорала: «Без него не пойду! Там моё похоронное!».

Пришлось сильно стукнуть её по руке, а затем выпихнуть в окно.

Когда бабуля оказалась на траве, я задыхаясь от едкого дыма быстро вылез и закашлялся.

Кто-то хлопал в ладоши, кто-то подбадривал меня, кто-то восхищённо смотрел, и только один человек дал воды.

В этот момент бабушка пришла в чувства, корчилась на траве и причитала по поводу оставленного в доме сундука.

Я отряхнулся. Наконец прибыли пожарники, и всё внимание толпы переключилось на них.

Спокойно спустившись на дорогу, я только теперь заметил, что на новых джинсах «Леви Страус» выше колена зияла дыра.

...Джинсы, конечно, жалко, ведь это, как ни крути, две мои стипендии.

Я побрёл своей дорогой, а пожарники обильно поливали пеной остатки бабулиного дома, полусгоревший кованный сундук и старую развалившуюся печку.

На следующий день я рассказал о случившемся своей девушке. Она внимательно меня выслушала и зло произнесла:

«Дурак, ты же мог задохнуться и сгореть». Улыбнувшись, я ответил: «Нет, не мог!»

...Потом, когда сидели на лавочке в парке, я курил одну сигарету за другой и трясся от страха, вспоминая бабушку и её сундук. Только сейчас до меня дошло, что я опять прошёл по самому краю пропасти, опять сыграл с судьбой в рулетку.

Права была Наташка, – я дурак, ведь в два счёта мог задохнуться, и никто не пришёл бы на помощь.

...Теперь на месте тех деревянных домов построили современную многоэтажку и никто из жильцов этого дома даже не знает о том ночном пожаре...

Рассказ пятый. Хипарь в тёмных очках, на каблуках и с битловской шевелюрой

...Весна была в разгаре, тёплое солнышко согревало, окончивших за долгую зиму сибиряков, снег таял, как кусок масла на раскалённой сковородке, сердце уже рвалось из груди, хотелось петь, пить, заниматься любовью и прощаться на раз...

Я учился в Университете на третьем курсе и, как в средней школе, вёл двойную жизнь, в том смысле, что числился примерным студентом, не пропускающим лекции, получал повышенную стипендию и являлся комсоргом группы, – но это всё была показушная жизнь. Настоящая жизнь начиналась в пятницу и заканчивалась в воскресенье вечером. В эти три дня мы отрывались по полной программе: весёлые попойки с друзьями, отёчными, вечно страдающими от кислородного голодания коры головного мозга (от похмелья), с девчонками лёгкого поведения, не страдающими комплексами.

Такой двойной жизнью, наверное, жила вся огромная Страна Советов.

Как правило, человек считался на работе ударником социалистического труда, а дома на кухне – махровым диссидентом, или пьяницей и дебоширом. Что делать, такая бур-

лила жизнь. Коммунисты обманывали людей, вешая им лапшу на уши, а люди цинично вралли, единодушно поддерживая линию партии, делая вид, что работают или, учатся («Вы делаете вид, что платите нам зарплату, а мы делаем вид, что работаем»).

Отдушину в этом вонючем застое многие находили в вине, некоторые – в сексе, а мы носили причёски «а ля Битлз», одевались как хиппи и тайком слушали «Голос Америки».

...Весной, в выходные дни, все стремились на природу, а мы выбрались на крутой берег Томи в Лагерный сад. Если кто не знает, то довожу до вашего сведения, что Лагерный сад – это не парк с «зоной», а зона отдыха в центре города.

...Во время Великой Отечественной войны на этом месте находился огромный военный палаточный городок, где формировались легендарные сибирские дивизии. Война давно закончилась, на месте палаток выросли высокие сосны, берёзы и тополя, а название, как всегда, осталось...

Среди моих друзей не значилось ни одного студента, все – продвинутые работяги, читающие умные книги, фарцовавшие пластинками и штанами (джинсами).

Закупили, как всегда, батарею самого дешёвого вермута, на закуску, по обыкновению, килька в томате и плавленые сырки местного гормолзавода. Таким был обычный джентльменский набор всех бухариков того времени.

...В Лагерном саду полно праздно гуляющего народа: ба-

бушки под ручку с дедушками, мамы с детскими колясками, влюблённые парочки, ищущие уединения.

...Как всегда, мы спустились по склону почти до реки, нашли более-менее ровное место, развели костёр и принялись веселиться. На бухалово собралось человек десять, может быть, чуть больше, я точно не помню. Конечно, подтянулись и девчонки, лица которых стёрлись из памяти, а вот пацанов помню всех.

Носил я тогда красные вельветовые штаны, сильно расклешенные книзу, яркую жёлтую куртку, присланную из Средней Азии, и туфли на высоких каблуках. Другие одевались примерно так же. Вот так, через вызывающий прикид, мы самовыражались и протестовали.

Да, совсем забыл обязательные атрибуты внешнего вида в то время: волосы до плеч, как у Харрисона, круглые тёмные очки, как у Леннона, и усы, как у Мулявина. Поэтому молодые люди моего возраста ходили по Томску одинаковые.

Несмотря на то, что часы показывали около двух часов ночи, пикник у обочины приблизился к своему пику, опьянённый народ уже стал неуправляем.

В этот момент мне приспичило сходить по нужде. Пробираясь по склону вдоль берега, я выискивая подходящее место. Этот участок начали понемногу благоустраивать, под ногами закрипела галька, а внизу у воды навалены большие острые камни. Между этими камнями и водой виднелась узкая полоса ровного берега. Место очень опасное; можно за-

просто оступиться на крутом берегу, улететь прямо на камни и сломать себе шею.

Не успел я подумать об опасности, как поскользнулся на мокрой гальке и быстро поехал вниз, сидя на пятой точке. Скорость скольжения увеличивалась, вероятность упасть на острые камни – тоже, а шансы на спасение уменьшались.

Как-то вмиг протрезвев, я стал тормозить каблуками, но этого оказалось недостаточно; ещё несколько секунд – и я разобьюсь вдребезги.

...Наверху виднелся костёр, пьяные силуэты моих друзей, а кругом – чёрная ночь и зловещая тишина...

Почему я не кричал, скатываясь по круче? На этот вопрос у меня до сих пор нет вразумительного ответа.

...Внутренний голос шептал: «Доверься инстинкту, расслабься и не тормози каблуками». Наверное, в ту минуту это был самый правильный совет.

Я перестал активно тормозить и поехал ещё быстрее. На полной скорости врезался своими резиновыми каблуками в первый камень. Они каким-то образом амортизировали, оторвались, а я перелетел острые камни и приземлился у самой воды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.